

Виктор СОСНОРА

15

ПУШКИНСКИЙ ФОНД

Санкт-Петербург

ММIV

Виктор СОСНОРА

15

ПУШКИНСКИЙ ФОНД

Санкт-Петербург

ММIV

С 66
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 5-89803-123-5

© В. Соснора, 2004

ПОЛКОВОДЕЦ И ЛЕТОПИСЦЫ

Тему-джин родился в стране, которая была за Байкалом.

Далеко за Байкалом: там текла река Амур и страну Тему-джина орошали три притока Амура — Керлон, Онон и Ингода. Там было много пастбищ. Поэтому страну населяли кочевники, татаро-монголы.

Страна — условное название. Никакой страны — пространство пастбищ, леса и горы, населенные постоянно передвигающимися кочевниками.

Отец Тему-джина Есукай-багадур объединил несколько племен для совместных действий — войны и мира.

Тему-джин родился около 1160 года.

Когда он был ребенком, умер его отец, и, хотя Тему-джин родился с куском запекшейся крови в сжатом кулаке и шаман предсказал новорожденному славу и завоевание всей вселенной, как сообщают монгольские летописцы, племена, объединенные Есукай-багадуром, отказались давать дань его сыну и разбрелись куда попало. Молодой вождь объявил племенам войну. Ничего не получилось.

Собственное племя прогнало его из родовых кочевий — собственная семья.

Он сбежал в Китай.

Скитался. Нищенствовал. Воровал.

Прошло несколько лет — около двадцати. Лишь к 1200 году Тему-джин сумел возвратиться. Кое-как помирился с родным родом.

О возвращении вождя узнали тайджигуты, племена, враждебные племенам Тему-джина. Орда напала на орду. Тему-джин защищался и победил.

Тайджигуты были присоединены к темуджинам, а летописцы тайджигутов написали первую легенду о полководце. Такая легенда.

Однажды тайджигуты напали на кочевья Тему-джина. Нападающих не интересовало ничего: ни запасы вяленой рыбы, ни кувшины кумыса, ни лошади, ни девушки, им нужно было — убить великого вождя. Они предвидели: он их поработит в самое ближайшее время, в самые кратчайшие сроки.

Тему-джин сбежал.

Он спрятался в пещере на берегах реки Онона. Он провел в пещере девять суток. Он не питался никакой пищей, не пил — ни капли. Он только точил свою саблю.

Потом ему опротивело. Он сказал сам себе: если ему суждено умереть, на то есть воля Неба (по монгольской мифологии Небо — Тенгри — Верховное божество). Но враг не дремал. Они спрятались у пещеры и все девять суток только и делали, что ели и пили. Беглец был обессилен. Его сабля попусту свистела в воздухе. Они схватили его. Увезли в кибитке в свои кочевья и заковали в оковы, а на шею надели деревянную колодку. Потом они так обрадовались, что поймали противника, что напились кумыса. Напились, подрались, уснули.

Тему-джин воспользовался благоприятными обстоятельствами и сбежал.

Он сбежал так: разбил все кандалы каким-то камнем, которые попадают в степи на каждом шагу, а потом ударил ножными и ручными оковами своего часового.

Пока Тему-джин разбивал железные оковы простым камнем, на что потребовалось, по крайней мере, несколько часов, часовой с большим сочувствием наблюдал за движениями узника и с каждым ударом камня все больше и больше оживлялся. Чтобы у Тему-джина хватило сил завершить начатое, часовой подавал арестанту время от времени то кусок жареной конины, то пиалу кумыса, то еще что-нибудь такое.

Тему-джин ударил часового кандалами по голове и убил его.

Но потом подумал: неужели убил человека, убийство — ужасно, он потормошил часового и оказался прав — часовой очнулся.

Он очнулся и воодушевился, часовой был в восхищенье. Он спрятал Тему-джина в арбу со своей овечьей шерстью. Они сбежали оба. Этот часовой стал впоследствии влиятельным полководцем в армии Чингиз-хана. Имя его — Джебе-нойон.

Тему-джин победил тайджигутов. Победа окрылила вождя. Он обратился к своему другу Тулую, предводителю не менее мощного племени — кераитов. Тему-джин сказал Тулую: необходимо объединиться и действовать совместно в будущих боях. Они объединились. Они действительно завоевали несколько областей. Но Тулуй ни с того ни с сего захотел самостоятельной власти. Тему-джин ответил отказом и объявил кераитам войну. Кераиты были

разгромлены, их улусы разграблены, Тулуй был убит в бою, семья Тулуя была истреблена после боя.

Огромные области кочевий оказались теперь под властью Тему-джина.

Действия — развивались.

В 1203 году Тему-джин созвал большой курилтай. Курилтай происходил на пастбищах Керлона. Там присутствовала вся монгольская верхушка. Тему-джин потребовал провозглашения. Он хотел стать Верховным ханом всех татаро-монгольских орд. Тот шаман, который сорок три года назад сказал, что Тему-джин родился с куском запекшейся крови в кулаке, теперь подтвердил и вторую часть своего пророчества: что Тему-джину предначертано завоевать всю вселенную, но, прибавил шаман, Тему-джина отныне и во веки веков нужно называть не по имени, а так: Чингиз-хан. То есть Верховный хан. Как шаман сказал, так и случилось. Теперь Тему-джина отныне и во веки веков стали называть Чингиз-ханом.

Раньше знамя Тему-джина состояло из четырех конских хвостов. Чингиз-хан усовершенствовал знамя, он распустил другое, теперь оно состояло из девяти хвостов дикого буйвола — символ девяти монгольских колен. Чингиз-хан объединил все орды в одну. Он создал первое в мире кочевое государство.

Так началось блестящее восхождение этого полководца, овеянное мифами мировой истории и молвы.

Чингиз-хан завоевал Восточный Туркестан, поработил племена уйгуров на Алтае, одновременно он вел войну с Магометом, султаном Хорезма. Одна за другой пали столицы восточной торговли и мусульманского просвещения: Ургенч, Мерв, Герат, Самар-

канд, Балк, Ходжент, Бухара. Магомет заболел от страха и стыда и спрятался на каком-то острове Каспийского моря. Там он и умер в 1221 году.

Мусульманские летописцы стали исследовать биографию Чингиз-хана.

После многолетних исследований архивов и исторических источников летописцы выяснили следующие любопытные подробности.

Оказывается, все слухи о скитаниях, неурядицах, трусости и нищете этого гениального полководца — просто-напросто гнусная клевета врага.

Летописцы отыскиали в притчах Корана, что одним из прямых предков Чингиз-хана был Огуз-хан. Огуз-хан, еще в бытность свою грудным ребенком, уже «пристрастился к мусульманской религии», «проявлял к ней способности». Чем конкретно он «проявлял» эти способности, выяснить не посчастливилось. Проявлял — и все. Потом Огуз-хан стал Ханом и покорил многие народы. Какие конкретные народы он покорил — неизвестно, но многие.

Следующий предок Чингиз-хана — ханша Алангоа. Она жила с мужем, безымянным ханом. Хан умер, и она осталась без мужа. Первое время Алангоа была бездетна. Муж умер — она родила трех сыновей. Происхождение двух сыновей сомнительно. Но третьего сына Алангоа родила от солнечного луча. Это подтверждали не только песни мусульманского фольклора, но и достоверные документы. Мальчик, рожденный от солнечного луча, по одним документам — он был прадедом Чингиз-хана, по другим — дедом. Это уже не имеет существенного значения: дед ли, прадед ли, важен факт — луч.

Чингиз-хан несколько раз ходил на Китай и наконец ворвался в Пекин.

И летописцы Китая вписали такие превосходные страницы в биографию Чингиз-хана.

Они писали, что, в общем-то, в своей массе монголы — люди как люди, самые обыкновенные обитатели Востока. Но Чингиз-хан — нечто совсем противоположное.

Если монголы малоподвижны, малорослы, коротконожки, лица у них плоские и простые, носы — расплющенные по всему лицу, глаза несколько заячьи, верхних ресниц вообще нет, волосы на бороде еле-еле заметны, — то Чингиз-хан хорошего роста, нос прямой, как у эллина, глаза окаймлены пушистыми ресницами, борода — большая и бархатистая, волосы он носил, как китаец: спереди надо лбом обривал, а сзади на затылке заплетал в косу. У него был роскошный лоб и солнечное лицо. Так у летописцев: стоит солдату стать полководцем, и у него сейчас же образуется роскошный лоб и солнечное лицо.

Дальше. В Китай во время оно Чингиз-хан совсем не сбежал, спасаясь, он — приехал в гости на нескольких колесницах. Колесницы были инкрустированы драгоценными камнями. В одной колеснице Чингиз-хан ехал сам, в остальных — монголы везли золото вождя.

Он посетил Китай, чтобы поучиться у китайцев военному искусству, более усовершенствованному, чем у монголов. Что умели монголы? — стреляли из дешевых луков в пустое небо и скакали на маленьких лошадках в пустое пространство. Чингиз-хан познакомился с военным искусством и «со зрелой гражданственностью китайского народа». На это он потратил 20 лет.

И применил свои знания. Об этом особенно красноречиво говорят священные китайские цифры: 13

и 70. Когда умер отец Чингиз-хана, полководцу было 13 лет. Когда Чингиз-хан возвратился из Китая, он собрал и организовал по китайской системе 13 родов и защищался от нападения тайджигутов. Система себя оправдала — он защищался, но победил. Он захватил в плен 70 тайджигутских беков и бросил их в 70 котлов с кипятком.

И только русские летописцы не написали никакой легенды о Чингиз-хане. Русские летописцы писали в 1224 году:

«По грехам нашим пришли неизвестные народы, и никто по-настоящему о них ничего не знает: кто они такие? Одни глаголют, что зовут их «татары», другие — что это «туркмены», третьи глаголют, что это «печенеги», а четвертые — что это об этих народах писал какой-то епископ — то ли Патомский, то ли Паторомский, то ли Патарский — что пришли они из пустыни Етриевской, которая находится где-то между Востоком и Севером. Бог один знает, кто они есть и откуда пришли».

ЦАРЬ-ГОЛОД

Голода в России не были явлением сверхъестественным.

Прежде в России писали летописцы. Но летописцы посвящали свои летописи актуальным вопросам современности, о голодах же или совсем не сообщали, или писали немногословно.

Впервые русская летопись упоминает о голоде в 1024 году. Тогда был великий князь Ярослав Мудрый. Ему сказали о голоде, и он сказал:

— Голод есть наказание Божие, и Бог наводит по грехам на каждую землю гладом, или вёдром, или мором.

То есть великий князь сказал, что виной всему русские грехи и климат. Ярослав Мудрый произнес еще один афоризм по поводу голода:

— Голод бывает от неурожая, а неурожай от вёдра.

Правильно. Но афоризм — афоризм, а «голод довел голодных до того, что они резали старых женщин и прислугу». Резали и ели. Так сообщает летопись.

Приблизительно так, по описаниям современников, выглядел обыкновенный голод в России в 1601–1602 гг. при Борисе Годунове.

«Свидетельствую истиной и Богом, что я собственными глазами видел в Москве людей, которые, лежа на улицах, как скотина, щипали траву и питались ею...» У мертвецов находили во рту сено. Лошадиное мясо было лакомством. Ели собак, кошек, крыс, пауков, клопов, кал животных и кал человеческий. Убивали за похлебку из полусъедобных растений. Отцы оставляли семьи и уходили куда попало, чтобы не делиться с детьми последней горстью проса. Матери душили своих первенцев, делили мясо на всю семью и ели. Путешественники-вельможи за много верст объезжали гостиницы. Путешественников спаивали в гостиницах, закалывали, а мясом начинали пироги. Гостиницы превратились в своеобразные фабрики: там были оборудованы специальные кухни для переработки человеческого мяса. Пироги с такой начинкой продавались на рынках. Пироги охотно покупали и ели, хотя ни для кого не было секретом, что представляют из себя эти продукты питания. «Только в Москве умерло 500 000 человек, а сколько же тогда в окрестных селах и в других областях России!»

Борис Годунов боролся с голодом двумя методами.

Метод первый. В четырех оградах, сооруженных близ московской деревянной стены, лежали кучи серебра для бедных, и ежедневно в час пополудни каждому голодающему полицейские выдавали по 1 копейке. Четверть хлеба стоила 21 рубль. Сколько хлеба мог купить умирающий на 1 копейку?

Метод второй. Борис Годунов приказал полицейским ездить по всей Москве и собирать всех мертвецов, обмывать их, завертывать в свежий саван, обувать в красные башмаки и хоронить по христианскому обычаю.

В 1630, 1636 гг. при царе Михаиле Федоровиче было то же самое.

Михаил Федорович тоже боролся с голодом. Но не пустословием, как Ярослав Мудрый, не копеечными милостыньками, как Борис Годунов, нет, он боролся более энергично и эффективно.

В самый разгар всероссийского людоедства царь посоветовался с духовенством и объявил по всей Руси *двухнедельный пост!*

Во время этого самого чудовищного в истории поста Михаил Федорович советовал:

— Не пить хмельного питья и матерно не браниться, а кто учнет матерно впредь браниться, тем быть в наказании в торговой казни».

Мощная мера. Библейская нравственность.

Царь Алексей Михайлович, прозванный «гораздо тихим», был более гуманен и умён.

Указом от 13 августа 1663 года он повелевал:

— Если бояре откажутся кормить холопей в голодное время, то лишаются холопей, которые получают свободу.

Царь угрожал боярам — они потеряют холопов. Царь сочувствовал холопам: за голод он даровал им свободу. Свободу — право свободно и беспрепятственно подохнуть.

Голода в России были явлением чуть ли не ежегодным. Но самые страшные — приблизительная статистика насчитывает их — 15. Это случаи людоедства:

1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230, 1231, 1279, 1309, 1332, 1422, 1442—1452, 1512, 1553, 1557, 1570.

Статистика сообщает, что «средним числом на каждое столетие приходилось по 8 неурожаев и повторялись они через каждые 13 лет».

Это так. Если не учитывать тире-дефисов, как например, 1230–1231, 1442–1452. Учтем тире-дефисы. И учтем, что эти даты — *исключительные 15!*

Получится, что «средним числом на каждое столетие приходилось» — неизвестное количество неурожаев и «повторялись они» — через неизвестное количество лет.

Но, суммируя случаи людоедства и распределяя их по столетиям, мы получаем внушительную цифру.

Попробуем произвести простейшие арифметические действия.

$$1570 - 1024 = 546.$$

$$1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230, 1231, 1309, 1332, 1422, 1442, 1443, 1444, 1445, 1446, 1447, 1448, 1449, 1450, 1451, 1452, 1512, 1553, 1557, 1570 = 26.$$

$$546 : 26 = 21.$$

Получается, что в России с 1024 по 1570 г. каждый 21 год были не случаи, а *годы* людоедства! Из 546 лет развития державы — 26 лет людоедства!

Были голода и впоследствии, но о них, к счастью, нет специальных и достоверных исследований.

Петра Первого народ как таковой не интересовал. Его интересовали солдаты.

Во время голода 1723, 1724 гг. Петр организовал «запасные провиантские магазейны» для своих войск.

Чтобы никогда больше не было голода в Российской империи, император сурово советовал крестьянам:

— Сеять побольше хлеба!

В сельскохозяйственном воображении Петра семена для посевов, вероятно, падали с небес, как солнечный дождик.

«Петр Великий мало обращал внимания и слишком формально относился к делу народного продовольствия, но это объясняется его стремлением вывести Россию из первобытной дикости. За громадностью этой задачи он не видел народных страданий», — писал историк В. Н. Щепкин.

СКОМОРОХИ

Дохристианство. Пирьы Владимира Красное Солнышко. Кулачные бои Новгорода. Заморские гости. Былины Кириши Данилова. Скоморохи.

Скоморохи появились на Руси раньше письменности. Раньше летописей.

Скоморох — по-древнерусски — скомрах.

Скомрах — шут, клоун, фокусник, музыкант, песельник — артист.

Скоморохи — язычники. Если они и принимали христианство, то только так, по обстоятельствам. Христианство преследовало скоморошество. Христианство хотело религии.

А у скоморохов не было никакой религии — смех.

Смех — князьям и княжествам, судьям и скамьям, храмам и холопам!

Вера — вещи, несущность: солнце, земля, мясо, соль, зерно, бубны, бани, свадьбы.

Скитальцы, скоморохи не имели ни хлеба, ни хозяина. Они не хотели делать хлеб для хозяина, они не хотели хозяина ради хлеба.

Они смеялись сами над собой:

По улицам скоморохи похаживают,
Гудки да волынки с собою понашивают,
Промежду собою, веселые, разговаривают:
«А где нам, веселым, будет спать-ночевать?»

Они пели, плясали, кривлялись, потешали толпу
шутками — таков был их хлеб, хлеб без хозяина.

И толпа искренне восхищалась их искусством.
Появляются пословицы:

«Не учи плясать, я и сам скоморох»,

«И всяк спляшет, да не как скоморох».

И толпа сочувствовала скитальцам. Появляется
пословица:

«Скоморох голос на гудке настроит, а своего
житья не устроит».

Толпа любила скоморохов и чуть-чуть жалела.
И побаивалась.

Скоморох — шут. А шут — чёрт.

«Шут его побери!»

«Ну его к шуту!»

«Допился до шутиков!»

Потом, когда скоморохов стали истреблять попы,
появились такие пословицы:

«Бог дал попа, а чёрт — скомороха»,

«Скоморошья потеха — сатане на утеху»,

«Скоморох — попу не товарищ».

Справедливость последней пословицы подтвер-
дил Московский Собор 1551 года.

Преступление: «В Троицкую субботу по селам
и по погостам сходятся мужи и жены на кладби-
щах и плачутся на могилах с великим кричанием.
А когда начнут играть скоморохи, мужи и жены
перестают плакать и начинают скакать и в ладоши
бить, и песни сатанинские петь. На мирских свадьбах

играют глумотворцы и смехотворцы и гусельники, и бесовские песни поют, когда к церкви священник ведет со крестом. А перед священником рыщут скоморохи со всякими бесовскими играми».

Уже канонизировались хоры. Уже канонизировалась святость свадьбы. Сосредоточенность и серьезность в жизни и смерти, а скоморохи — смущали.

Наказание: «В те времена, когда родителей своих поминают, пусть по мере сил своих все корят нищих, а скоморохам впредь воспрещается смущать православных христиан бесовскими играми».

Это только начало. Увещевания.

Бубны, гусли, домры, гудки, волынки, свирели, металлические тарелки, сурна, труба, сопелка, цветастая рубаха, подоткнутая у пояса, чтобы проще плясать, смехотворные узкие штаны, обтягивающие ноги, крошечная островерхая шапочка на голове, маски — «хари»!

А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дид ладо, сеяли, сеяли!

«Тресни меня, шут, пузырем с горохом по лбу!»

Веселые ватаги. Прирученные медведи, ученые собаки.

Скоморохов видели только на ярмарках, на площадных представлениях. Их предварительный труд не видели, о нем и не подозревали. Скоморохи ухитрялись быть свободными — им завидовали: всюду только труд, у них только смех.

Почему-то так получилось: их просто преследовать, но нельзя поработить. Так думали, но оказалось не совсем так.

Московский собор 1551 года — единственное официальное распоряжение Иоанна Грозного о скоморохах. Потом Иоанн Грозный просто пошутил. Так.

Была масленица. По традиции для граждан Москвы открыли все ворота Кремля. Бесплатное угощение: блины со всякой всячиной, меда, салазки, снежные бабы, ледяные горы, карусели; девкам — дешевые бусы и пряники, детям — леденцы в форме зверушек и т. д. и т. п. и — скоморохи. Сюда съехались скоморохи со всей Руси — понаслушались о кремлевских пиршествах.

Пиршество. Хохот. Игры. Музыка. Шутки. Кувырканыя. Блеск снега. Красное солнце.

В подвалах Кремля на цепи сидело триста медведей.

Масленица — очи пирующих разукрасились всеми оттенками радуги, — тогда потихоньку затворили все ворота Кремля и спустили с цепи триста медведей. Несколько дней медведям не давали жрать, и они — озверели.

Своих предупредили, скоморохов — нет. Медведи набросились на скоморохов. Многих загрызли насмерть. Многих искалечили. Иоанн Грозный сидел у окошка, сложенного из разноцветных византийских стеклышек. Царь любовался: блестящий снег, красное солнце, медведи, скоморохи. Он смеялся от всего сердца.

Это еще — шутки.

В наказной грамоте патриарха Иосафа, датированной 1638 годом, ощущается горечь и грусть. Он сетует, что «есть люди, и их большинство, которые вместо духовного веселья тешут блудливые души свои сатанинскими играми скоморохов, которых не только

смотрят на ярмарках, да еще и просят в бубны бить, и в сурмы реветь, и руками плескать, и плясать».

А ведь скоморох — уже унижение «святого духа». Уже — ругательство в устах властей и грамотных граждан. И сам скоморох — позорище, и одеяние его — позорище. Ведь неспроста во время Новгородского погрома, спровоцированного Иоанном Грозным, архиепископа Новгородского, который отказался преклонить колена перед погромщиками, водрузили на лошадь, напялили скоморошью одежду, привязали к шее бычий пузырь с горохом, надели поросячью маску и так возили по улицам Новгорода, улюлюкая. Ведь неспроста московская чернь, науськанная боярством, несколько часов таскала по улицам трупы Лжедмитрия и Басманова, а потом, ополоумев от бешенства, передела окровавленные трупы в скоморошье платье, привязала к шее бычьи пузыри с горохом, напялила поросячьи маски и выставила так трупы на Красной площади. Это было смешно и комично.

Иосаф еще сетует. Он призывает к высшему веселью — «духовному». Он предлагает отлучить скоморохов от святого Причастия наравне с другими, заподозренными в общении с духами тьмы. А если люд запротестует, люд — глуп, для него мир — минута, смех скоморошей.

Царь Алексей Михайлович был голубоглаз и румян, иностранцы Коллинс, Рейтенфельс, Лизек писали, что это «такой государь, какого желали бы иметь все христианские народы». Алексей Михайлович ввел в русский язык пословицу: «Делу время, а потехе час». Он писал письма и стихи.

Еще он писал в официальной грамоте 1648 года:

«Скоморошские представления отвлекают православных от посещения церквей. Где объявятся

домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие бесовские гудебные сосуды, там те бесовские игры велеть — жечь. А тех людей, которые от такого богомерзкого дела не отстанут — по государеву указу наказывать и бить батогами нещадно».

Делу время — потехе час.

Менялись времена — менялись нравы.

Воеводы наказывали скоморохов наравне с преступниками. Само скоморошество стало — преступление. Никаких ярмарок и балаганов. Последние скоморохи приходили теперь только в те дома, где в знак приглашения ставили на окнах зажженные свечи. Так в Сибири, на маршрутах этапов, население выставляло на подоконники хлеб и луковицы.

Петр Первый — практик.

Он учреждает «народный театр для всякого чина людей, для охотных смотрельщиков». Он приказывает построить Комедийную храмину на Красной площади близ Триумфальных изб. В 1702 году из Данцига приезжает Иоганн Куншт. Он — «царского величества комедиантский правитель». Происходит набор учеников. «Для учения комедийных действий разных приказов подьячие призваны, и сказано им, чтобы они комедиям учились у комедианта Иоганна Куншта и были бы ему в том учении послушны».

Так перестало существовать скоморошество.

Так был открыт — отечественный театр. Разных приказов русские подьячие учились у комедианта из Данцига Иоганна Куншта и были ему послушны.

Петр потребовал пьес.

Петр потребовал живой связи театра с современностью. Так закончилась импровизация, то есть творчество. Так началась новая связь с современностью, то есть администрирование.

Петр:

«Вскорости составить новую комедию о победе и о вручении Великому государю крепости Орешка».

Петр:

«Составить шутовскую интермедию о раскольниках, кои до сей поры не удосужились сбрить бороды, а также усы и волосы на головах».

Комедии про Орешек и про волосы были поставлены.

Новая победа, новая реформа — новая инсценировка победы и реформы.

По свидетельству современников, новаторский театр Петра никаким успехом не пользовался. Никакие «всякого чина люди и охотные смотрельщики» театр не посещали. В партере рассаживали гренадеров и бомбардиров. Ложи любили девки: знакомство с офицерами. Театр не был популярен. Население предпочитало узнавать новости из газет или слушать слухи — все равно ведь актеры повторяли наизусть газетные тексты, а гримасничать — нехитрое занятие для любого. Театр не имел триумфа, потому что ходить на представления было небезопасно: повсюду сидели переодетые полицейские. Они с увлечением следили за реакцией зрителей и хорошенько осведомляли Секретный приказ о том, «кто как хлопал в ладоши, а кто посвистывал».

Вот и всё.

Объективно скоморохи превратились в полицейских провокаторов.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

16 декабря 1702 года Петр Первый подписал указ о печатании первой русской газеты — «курантов».

2 января 1703 года вышел первый лист «курантов». Газета издавалась на счет государства.

«Известия» были отпечатаны в форме листков, или тетрадок.

Цель: ознакомление русского общества с теми действиями петровского правительства, с которыми правительство считало нужным ознакомить русское общество.

Если Петербург был назван Пушкиным «окном в Европу», то петербургские «известия» были названы Посошковым (писателем) «дырой». В письме к боярину Ф. А. Головину Посошков предлагал: «загородить ту дыру накрепко и отставить ее, дабы вести не разносились». Посошков видел в «известиях» реальную опасность разглашения внутренних государственных противоречий. Он боялся общественного мнения Европы. Его национальному самолюбию казалось невыносимым, если «что неладное в нашем государстве не делается, то во все земли разнесется».

Петр по всем пунктам разделял опасения передовых писателей своей канцелярии. Стилль Петра был менее литературен, но смысл советов суров: «дабы никто дерзал из государства никогда ни о малейших делах писать под потерпением имения и пожитков и по изобретении вины наказанием тела и живота, егда грамотки в Риге, Курляндии, или в Пруссах распечатываются и что заказанное в них найдется».

Петр — первый ввел в России газету, но, как мы видим, достаточно страстно оберегал невинность своего первенца.

Практически составителем и репортером газеты был один, Яков Синявич.

Его контролировали: директор Петербургской типографии М. П. Аврамов, кабинет-секретарь А. В. Макаров, главный начальник печати и монастырского приказа граф И. А. Мусин-Пушкин, протектор типографий архимандрит Гавриил Бужинский, коллегии посольских советников и весь совет министров.

Естественно, все боялись друг друга, и не только предосудительных сведений не оставалось в газете, пока она проходила все инстанции, но вообще — никаких.

Просмотрим все газеты со дня основания до смерти Петра: с 1703 по 1725 год. Там достаточно известий, фельетонов и эссе, компрометирующих европейские державы, враждебные и полувраждебные России. Там — списки и списки иностранной литературы, которые неизвестно с какой целью печатались, потому что иностранная литература в Россию попадала лишь эпизодически.

О внутреннем состоянии России в русских «курантах» за 22 года лишь три известия:

1. Описание въезда в Петербург персидского посла и церемониал данной ему «отпускной аудиенции».

2. По сведениям, полученным из Берлина, сообщается, что в Берлин прибыли посланные царем Петром «12 человек, вышиною в 8 футов и 2 дюйма, которым быть в больших гранодирах короля прусского».

3. «Лисбон (Лиссабон) — стольный город королевства Португальского, лежит он в Европе».

Это сенсационное географическое сообщение моментально облетело всю новаторскую Россию Петра Первого и вызвало восторженные отклики читателей.

ВНЕШНИЙ ВИД ПУГАЧЕВА

Свидетели и очевидцы:

1. Казанский губернатор генерал-аншеф фон Брандт:

«...ростом двух аршин, четырех с половиной вершков, от роду не более сорока лет, с приметами: волосы на голове темно-русые, усы и борода черные с сединой, от золотухи на левом виске шрам».

2. Неизвестная казачка, «Русский архив», 1902 г., т. II, стр. 658:

«... как теперь на него гляжу: мужик был плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не больно высок и не мал».

3. А. Т. Болотов, мемуарист, свидетель казни Пугачева:

«...бородка небольшая, волосы всклокочены и весь вид ничего не значущий».

4. Верхованцев, полковник Пугачева:

«...был среднего роста, корпусной, в плечах широк, смугловат, борода окладистая, глаза черные, большие».

5. Есаул Мелехов и хорунжий Малахов, пленники Пугачева:

«...глаза серые с желтизной. Лицом смугло-красный, рябой. Борода небольшая и неширокая. Нос небольшой, посредине маленький бугорочек, а конец его кверху загнут остро».

6. И. И. Дмитриев, поэт, свидетель казни:

«...роста среднего, лицом бледен, нос имел кругловатый. Я не заметил в лице его ничего свирепого, глаза его сверкали».

7. Пушкин в «Капитанской дочке»:

«...живые, большие глаза его так и бегали. Лицо его имело выражение приятное, но плутовское».

8. Примечания к летописи Рычкова:

«...роста небольшого, весьма скор на поворотах».

9. Пушкин в «Истории Пугачевского бунта»:

«...роста среднего, смугл, худощав, борода черная, небольшая, клином».

10. Первая жена Пугачева, Софья:

«На лице желтые конопатины, волосы темно-русые».

11. Из первого дела Пугачева:

«...ноздри рваные».

12. Из последнего дела Пугачева:

«...ноздри нормальные».

13. Пугачев на допросе в 1774 году:

«...мне — тридцать два года».

14. Пугачев на допросе в 1772 году:

«...мне — сорок лет».

Современные портреты:

15. «Подлинное изображение бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева». Канонический портрет неизвестного автора с комментариями на немецком языке.

Портрет поясной, фас. Превосходно выписаны складки тулупа. Слева, как декорация, висит цепь,

к которой прикован Пугачев. Лицо каменное, скорбное, лицо — сплошные желваки; усы и борода подстрижены в парикмахерской, как у иноков на византийских иконах. Брови очень высоко подняты, над бровями также — иконописные морщины.

Это ретушь, стилизация.

Общее впечатление: азиатский пророк без возраста.

16. «Пугачев», с гравюры, изданной за границей»:

Профиль. Лицо тщательно выбрито, белое, молочное лицо, ни бороды, ни усов. На правой щеке бородавка. Щеки толстые, на щеках румянец. В треуголке, надвинутой на нос. Нос вздернутый, как у клоуна. И брови, как у клоуна. Льяные волосы завиты и сзади косица. Глазки маленькие. Нос, как наклеенный. Приблизительный возраст — 20 лет.

Общее впечатление: немецкий жонглер, который вот-вот начнет вертеть бессмысленной головой, так что в воздухе перед зрителями замелькает его покрашенный красный нос.

17. «Емеля Пугачев», Гиллерс:

Пугачев в клетке. Во весь рост. В шубе. Стоит в клетке на одном колене. Одна рука — на колене, другой дружелюбно приветствует палача. Руки соединены цепочкой. На запястьях браслеты с гравировальным узором. Лицо круглое, мясистое, пятидесятилетнее, нос большой и сплюснутый, огромные лошадиные ноздри, тяжелые татарские веки и узенькие, заячьи глазки. Борода и усы — красные. Кисти рук, запястья — как у девушки, пальчики холеные, на ногтях маникюр.

Общее впечатление: пьяный татарский хан, попавший в клетку по собственному желанию.

18. Гравюра К. Ф. Летелье с рисунка Ж. К. Майи: Пугачев в профиль. Стремительное, одухотворенное лицо. Изысканный длинный библейский нос и большие библейские очи, голубые. Светлая, вьющаяся борода. Светлые, нежные волосы.

Общее впечатление: мыслитель, изнеженный скорбями герцог семидесяти лет.

Суммируем. Составим описание внешности Пугачева на основании свидетельских показаний и живописных изображений современников вождя.

Возраст — сорок лет, тридцать два, двадцать, пятьдесят, семьдесят; рост — двух аршин, четырех с половиной вершков, не больно высок и не мал, роста небольшого, роста среднего, здоровенный, весь вид ничего не значущий; лицо — каменное, сплошные желваки, лицом смугло-красный, рябой, лицо молочное, белое, ни одного шрама, на лице желтые конопатины, на левом виске шрам, лицом бледен, одухотворенное лицо, лицо мясистое, татарское, на щеках румянец; борода — русая, темно-русовая, окладистая, небольшая, клином, борода и усы красные, совсем без бороды и без усов; волосы — темно-русые, подстриженные в казацкий кружок, черные с сединой, запущенные, светлые, аристократические волосы и льняные с косицей; глаза — большие, маленькие, огромные, крошечные, черные, серые с желтизной, голубые; ноздри — рваные и нервные; нос — небольшой, большой и сплюснутый, длинный, конец его остро загнут кверху, нос имел кругловатый.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

Подпоручик Г. Р. Державин был представителем Секретной Комиссии в армии, воевавшей против Е. И. Пугачева.

Сам Державин совсем не воевал, хотя и хотел воевать. Он инструктировал шпионов и отсылал их в войска Пугачева.

Но, несмотря ни на что, Державин все-таки сумел проявить свое офицерское «Я».

Пушкин опозитизировал этот эпизод.

Пушкин писал, что Державин приехал в деревню, расположенную около села Малыковки. Подпоручик знал, «что множество народу собралось и намерено идти к Пугачеву («Петру Третьему»)». Державин спросил это множество:

— Так ли?

— Так, — ответили командиры отдельных крестьянских команд, — «мы идем соединиться с государем Петром Третьим». А с такими, как ты, подпоручиками, — добавили они, — расправа коротка: виселица, и больше ничего.

Тогда поэт выхватил шпагу, и взвел курки пистолетов, и встал на стременах, и воскликнул:

— Нас трое (с ним было только двое казаков), но за нами — три полка! Вон тучи пыли — это они!

В степи действительно плясала пыль — там был ветер.

Крестьяне растерялись и опустили свои топоры, лопаты и вилы, и сложили все это оружие к стопам Державина. Он обошел и осмотрел: не осталось ли у кого какого ножа или шила? И все, что у кого осталось, он отобрал и побросал в общую кучу.

Двое казаков повесили двух первых попавшихся бунтовщиков. Девки добровольно принесли плети, и казаки «пересекли всю деревню». В этой расправе принимал участие и Державин.

Так писал Пушкин.

Но сам Державин более беспристрастен в своих *Записках*. И более правдоподобен. Он отстаивает не сам факт повешения, а блестящую драматургию факта.

Время действия: сентябрь 1774 года. Улетают птицы и листья.

Место действия: село Малыковка. Рассвет над Волгой.

Предыстория.

Державин приехал в Малыковку. В селе было — беспокойство. Вот что случилось.

Державин был в Шафгаузене. Там ходили слухи. По слухам, бунтовщики заняли Саратов и отправили большое войско, чтобы поймать его, Державина (хотя поэт был еще безвестен, он придавал первостепенное значение своей личности). Войско уже приближалось к Малыковке. (Лишь впоследствии выяснилось, что никакого войска не приближалось.) Державин отправил в Малыковку депешу: экономическому казначею Тишину и унтер-офицеру с 20 артиллеристами

подпоручик Секретной комиссии приказывал — покинуть Малыковку и уйти на какой-нибудь уединенный остров на Волге, чтобы, в случае нападения на село, защищаться «до прихода наших войск». Захватить с собой также и дворцовую экономическую казну и бумаги секретной комиссии.

«Они точно то исполнили, взяв с собою жен и именитых надежных поселян. Детей же своих малолетних экономическая казначейша Ти́шина, нарядя в крестьянские замаранные рубашонки, оставила с их кормилицею и нянькою у надежных крестьян».

На следующий день (вместо «войска») в село прискакали два пугачевца. Они объявили, кто они такие. «Народ вмиг сбежался, принял их с радостью, и они так напились, что легли близ кружал в растяжку». Обыватели трогательно охраняли священный сон алкоголиков: «они поставили вокруг их караул». Всю ночь стояли на карауле мужики с топорами и лезвия поблескивали, когда появилась луна. В селе было «великое безмолвие».

Ти́шина беспокоилась о детях. Она за сутки сильно соскучилась по ним. Судя по тому, что в селе не было ни шума, ни музыки, Ти́шина решила, что в селе нет ни бунтовщиков, ни бунта. Настала утренняя заря.

Над Волгой туманы — прояснились.

Казначейша уговорила казначея съездить в село и посмотреть: как там дети? «Они сели в лодку, заклались травой и с помощью двух гребцов и кормщика благополучно пристали к берегу».

Село просыпалось и опохмелялось. Звенели кузнечики и уздечки. У колодцев тряслись коромысла. Ходили овцы и коровы с бубенчиками.

Кормщик шепнул кому-то...

Пугачевцы (как и вчера, двое) ходили по берегам Волги. Они обнимались и плакали с похмелья. За ними ходили часовые с топорами, и лезвия вспыхивали на солнце. Вся Волга плескалась.

Кормщик шепнул этим самым «злодеям, едва с похмелья проснувшимся», что в лодке — «эти самые, злодеи, дворяне».

Пугачевцы схватили Ти́шиных и пытали. Отец признался, где дети. Пугачевцы быстренько принесли детей и, на глазах у родителей, размахнувшись, «схватя за ноги, размозжили об угол головы младенцам».

Пугачевцы мучили казначейшу и публично изнасиловали ее, вдвоем, на парапете центральной церкви. Село перепугалось и попряталось, и смотрело на все это сквозь окна.

Наконец, «казначея и казначейшу, раздев, повесили на мачтах и потом, расстреляв, уехали».

Надо думать, что унтер-офицер и 20 артиллеристов все видели из своего уединения на острове, потому что детей, скажем, казначейша не взяла на остров, «опасаясь, что они будут в сокрытии на острове плакать и злодеи услышат». Значит, остров был совсем близко.

Когда бунтовщики уехали, унтер-офицер и артиллеристы выплыли из засады и прибыли в село. Семью Ти́шиных похоронили, как полагается. Все бы на этом и закончилось, если бы в Малыковке не стало известно, что приближается Державин с большой командой гусар. Подпоручика Державина прекрасно знали в Малыковке: он здесь жил и вербовал агентов. Поэтому обыватели стали искать виноватых. Искали и нашли. Это были те трое часовых с топорами — безответная голытьба. (Их поставили, они стояли.)

Предыстории — конец. Начинается событие.

Предоставляем последнее слово самому судье, организатору этой блестящей буффонады, драматургу Г. Р. Державину.

Он писал о себе в третьем лице. Часовых с топорами (топоры — отобрал!) «он, по данной ему от генералитета власти, определил на смерть. А чтобы больше утратить колеблющуюся чернь и привести в повинование, приказал на другой день в назначенном часу всем обывателям, мужескому и женскому полу, выходить на лежащую близ самого села Соколову гору. Священнослужителям, от всех церквей, которых было семь, облачиться в ризы. На злодеев, приговоренных к смерти, надеть саваны. Заряженную картечами пушку и 20 человек фузилеров при унтер-офицере поставить задом к крутому берегу Волги. Гусарам приказал с обнаженными саблями разъезжать около селения и не пускать никого из оногo с приказанием: если кто будет бежать, тех, не щадя, рубить на куски. Учредя таким образом, повел с зажженными свечами и с колокольным звоном через все село преступников на место казни. Сие так сбежавшийся народ со всего села и с окружных деревень утратило, что, хотя было их несколько тысяч, но такая была тишина, что не смел никто рта разинуть. Сие воспользуясь, прочтя приговор, приказал злодеев повесить, а 200 человек пересечь плетью. Сие все совершали (то есть должность палачей) не иные кто, как те же поселяне, которые были обвиняемы в измене. Державин только ходил (расхаживал) между ими и причитывал, чтоб они впредь были верны Государыне, которой присягали. Народ весь, вставши на колени, кричал истощными голосами: «Виноваты!» и «Рады служить верою и правдою!»

И. И. Дмитриев, поэт и друг Державина, действительный тайный советник, писал:

«Державин повесил сих мужиков более из *поэтического любопытства*, нежели из настоящей необходимости».

Державину присвоили чин поручика.

ИСТРЕБИТЕЛЬ ПУГАЧЕВА

Дата рождения Пугачева до сих пор — предположительна.

Место рождения до сих пор — приблизительно.

Пугачев был казнен в Москве в 1775 году. Нигде не похоронен.

Капитан гвардии Николай Захарович Повало-Швыйковский родился 31 октября 1722 года в селе Мореве, Духовщинского уезда, Смоленской губернии.

Капитан гвардии Николай Захарович Повало-Швыйковский «принимал самое деятельное участие в поимке Пугачева».

Полковник Михельсон отправил Повало-Швыйковского в опасную командировку — в армию Пугачева. Цель командировки: «разведка позиций и приспосабливание метода захвата Пугачева врасплох». Капитан замаскировался: он снял свой медный гвардейский мундир и переделался в платье конюха.

Но капитан привык к собственным конюхам. Поэтому, общаясь с восставшей нищетой, он вел себя несколько не так: всем своим поведением он показывал — никакой он не конюх, а настоящий

капитан. Его, естественно, заподозрили. Ему, естественно, пообещали виселицу.

Ему посчастливилось. Вожди восстания в тот достопамятный вечер пили и веселились. «Пей и ты, — сказал лжеконюху Пугачев, — все равно завтра будешь висеть на виселице, милый мой висельчак».

Но Повало-Швыйковский не пил. Он повеселился с мятежниками и убежал.

Была погоня, и его догнали. Ничего не оставалось делать: капитан бросился в ближайшее большое озеро. Трое суток он сидел в озере и тяжело дышал через камышинку. В него стреляли — из ружей, из луков и из пистолетов. В него бросали камни. Но капитан прекрасно нырял и появлялся то у одного, то у другого берега — так он хитрил, дезориентируя преследователей. Преследователи развлекались: они ловили его сетью, как самую обыкновенную рыбу. Это было интересно и смешно. Его ловили, но не поймали.

Трое суток пугачевцы ловили Повало-Швыйковского, но жалели его.

Трое суток время от времени они подкармливали диверсанта-неудачника — подбрасывали ему в водоем кто хлебный мякиш, кто лепешку, а кто и куриную косточку. Он ловил пищу, ел ее и опять маневрировал — нырял.

Итак, его ловили, но не поймали и ускакали, а он убежал.

Указом Сената от 28 января 1775 года за свои заслуги на поприще борьбы с крестьянским восстанием капитан гвардии Повало-Швыйковский Николай Захарович получил имение в Невельском уезде Витебской губернии: 7000 десятин земли и 450 душ крестьян. Также ему был присвоен чин секунд-майора.

Также он получил от государыни императрицы Екатерины Второй — пять золотых «на орехи».

Все это он получил, но после вышеописанного купания заболел и ушел в отставку.

В отставке он присвоил сам себе титул **ИСТРЕБИТЕЛЬ ПУГАЧЕВА** и ходил в зеленом екатерининском мундире с разрезом на груди. Так и ходил в этом мундире, так и не снимал его до самой смерти, в мундире же — был и похоронен.

Когда он умер, «многочисленная его вотчина с поразительным единодушием и воодушевлением, все до последнего человека, собрались для похорон любимого своего владельца и буквально на головах несли три версты гроб», — сообщает внук **ИСТРЕБИТЕЛЯ ПУГАЧЕВА П. Т. Повало-Швыйковский**.

Секунд-майор в отставке Николай Захарович Повало-Швыйковский умер 31 октября 1842 года в селе Ратчине, а 7 ноября того же года похоронен там же в фамильном склепе.

Ему было 120 лет.

ГОРЕЛКИ

На поприще сей жизни склизком
Все люди бегатели суть.
В течение дальнем или близком
Они к мечте своей бегут.

И сильный тамо упадает,
Свой кончить бег где не желал.
Лежит, но спорника, мечтает,
Коль не споткнулся бы, — догнал.

Г. Р. Державин. «Горелки»

В 1793 году Г. Р. Державин был статс-секретарем императрицы Екатерины II. Державин любил служить и мечтал стать министром.

Царское Село.

Сад.

Фонтаны.

Каменные фавны.

Июль. Державин вышел в сад. Императрица прогуливалась. Блестела ее малиновая мантия. Блестело солнце и трава. Императрица играла с внуками: с великими князьями Александром и Константином. Екатерине было 64 года, Александру 16,

Константину — 14. Подростки были в голубых мундирчиках с блестящими серебряными пуговицами. Болтались шпажки, внуки играли в «горелки» — бегали по саду.

Дети-то веселились, но Екатерина была невесела. Она присела (под дубом, попрохладнее) на бархатную персидскую табуретку. Императрица повесила седую голову (тяжелую и в бриллиантах), призадумалась и не веселилась. Она была больна. Она пригорюнилась. На глаза нависла полунакрашенная, полуседая прядь волос.

Нужно было бы развеселить. Окружающие ее придворные делали сверхчеловеческие попытки развеселить Государыню. Они кривлялись и кувыркались — чепуха, ее состояние оставалось по-прежнему — меланхолическое.

Державина попросили, и он присоединился. Он стал играть с двумя великими князьями в «горелки» — бегать. И вот Александр и Константин, хохоча, побежали по лугу. Они бежали что есть духу, их голубые мундирчики совсем растворялись в голубом воздухе, мелькали только пуговицы на фалдах. Державин — за ними! Но на лугу попадались ямки, трава-то сухая, но скользкая, а Державин уже тяжел и стар.

Этот бешеный бег закончился плачевно.

Державин споткнулся, опрокинулся и упал у пруда, где плавали королевские карпы и видно было, как они тихонько плавают.

Державин писал о себе: «Он так сильно ударился о землю, что сделался бледен, как мертвец. Он вывихнул в плече левую руку. Великие князья подбежали к нему и, подняв едва живого, отнесли в кабинет».

Державин писал дальше: «Сей столь неподвиженный неприятный случай был и политическим

падением автора, ибо в сие время вошел было он в великую милость у императрицы, так что все знатные люди стали ему завидовать. Но, в продолжение шести недель, на излечение его употребленных, когда не мог он выезжать ко двору, успели его остудить у императрицы так, что появясь, почувствовал он ее равнодушие».

Гаврила Романович Державин родился в июле 1743 года.

Этот «случай» произошел в июле 1793 года.

Так великий поэт отпраздновал свое пятидесятилетие.

Державин достоверно описывает падение у пруда, но упрощает причины своего политического падения.

Потому что.

Через шесть недель, «на излечение его употребленных», Екатерина II поручила своему статс-секретарю дело Сутерлянда. Банкир Сутерлянд брал деньги из Государственного казначейства. Цель: пересылка денег в Англию. Во всех бухгалтериях было известно: Сутерлянд отправил в Англию 6 000 000 гульденов (2 000 000 рублей). Все шло хорошо.

До поры до времени. Английский министр финансов все-таки прислал письмо Екатерине, в котором сообщал: никаких денег Англия не получила, никаких. Екатерина потребовала: Сутерлянд, переведите министру государственные деньги. Сейчас же.

Но Сутерлянд — не мог. У него ни осталось ни копейки. Он объявил себя банкротом.

Державин расследовал порученное ему дело и выяснил следующие любопытные подробности: «Все казенные деньги потрачены были заимообразно по распискам и без расписок самыми знатными ближ-

ними, окружающими императрицу вельможами, как-то: князем Потемкиным Таврическим, князем Вяземским (генерал-прокурором Сената), графом Безбородко, вице-канцлером Остерманом и др. и др. Великий князь Павел Петрович (сын Екатерины и будущий император Российской империи) тоже брал в долг у Сутерлянда. Все брали и никто не возвращал».

Государыня велела поступить по законам.

Сутерлянд испугался суда. Он отравился.

Державин расследовал дело и выяснил, кто сколько брал у банкира.

«Державин входит, видит Государыню в чрезвычайном гневе, так что лицо пылает огнем, скулы трясутся. Завязанное в салфетке дело он внес в кабинет и положил перед ЕЯ лицом».

— Докладывай! Кто воры? — воскликнула императрица.

Державин начал с Павла. Екатерина ненавидела сына за то, что по правилам престолонаследия на престоле должен был быть — он, а не — она. За это Екатерина и ненавидела сына.

Поэтому она не без удовольствия слушала о Павле, причмокивала даже. Она перебивала докладчика, восклицая:

— Мотает! Таскается! По бабам! Строит! Дворцы для кобыл! Бездельник!

Державин доложил о Павле.

— Не знаю, что с ним и делать... — хищно придумалась Екатерина. И посмотрела на своего секретаря, ища сочувствия.

Державин промолчал. Потом опустил свое мясистое лицо, но приподнял брови, нарисованные, как у клоуна, смешно сморщился и сказал:

— Князь Потемкин Таврический потратил больше.

— Ну уж и больше! — рассмеялась императрица неестественно.

— В двенадцать раз больше, — невозмутимо продолжал Державин. Потемкин растратил 800 000 рублей — почти половину.

— Ты мне не тыкай! — вдруг взвилась Екатерина. — Потемкин многие надобности имел по службе и нередко издерживал свои собственные деньги. — Екатерина засуетилась, взяла почему-то с мраморного столика бронзовый канделябр с тремя свечами, опустила опять на свой белый лондонский стул и, помахивая канделябром-трезубцем, как веером, сказала:

— Ах, пустяки! Беру его долги на свой счет.

(Потемкин еще был фаворитом.)

В списке должников опять попался Павел.

— Вот видишь! — возмутилась Екатерина и направила трезубец на секретаря. Теперь она сидела на стуле, как Посейдон, с трезубцем.

Она продолжала:

— Как видишь, сей тип все тратит и тратит, не так ли? Это из-за него Сутерлянд отравился, а какой был банкир!

Державин, не поморщившись, сказал холодно. Сказал ледяным голосом:

— Зубов потратил больше.

Екатерина окаменела. Зубов стал одним из любимых фаворитов.

— Зубов потратил в четыре раза больше, — сказал Державин, отворачиваясь.

Тогда императрица выпустила трезубец, опустила трясущуюся руку и позвонила в колокольчик. Вошел камергер.

Старое, фарфоровое лицо государыни налилось кровью. Она молчала и тяжело дышала. Екатерина сказала камергеру (гренадер в куртке со шнуровкой). Она сказала:

— Присаживайся, дружок! Посиди, пожалуйста, миленький, пока этот докладывает. Он меня чуть не избил! Он прибить меня хочет.

Державин писал:

«С сим словом она вспыхнула, раскраснелась и закричала Державину:

— Пошел вон!»

Поэт пошел. «В крайнем смущенье».

Дело Сутерлянда само собой прекратилось.

На следующий день Державин был уволен от должности статс-секретаря и до самой смерти Екатерины оставался одним из обыкновенных сенаторов.

КРУГЛЫЕ ШЛЯПЫ

Император Павел поздно получил престол. Ему было сорок лет.

Павел сорок лет бездействовал и теперь с неукротимой энергией стал действовать.

Почти за пять лет он ухитрился преобразовать всю необъятную и необъяснимую Российскую империю. Флот, сельское хозяйство, административные учреждения, казармы, театр, фабрики, архитектура, медицина, библиотеки, тюрьмы, танцы — все стало так, как этого хотел император.

Павла мучали сомнения и страхи.

Он предчувствовал, что все реформы окажутся несостоятельными, если «мы не сумеем перевоспитать поколения». Всем своим существом Павел понимал, что для перевоспитания необходимо ввести всеобщую форму одежды — в первую очередь. Все остальные вопросы нравственности и общественной морали образуются сами собой — в таком случае.

Павел был коронован 6 апреля 1797 года.

Но еще 13 января 1797 года его императорское величество «соизволил высочайше указать председателю губернского правления С-Петербурга гене-

рал-аншефу Архарову, что по столице С-Петербургу до сих пор отдельные личности ходят в круглых шляпах».

И 13 января 1797 года был опубликован и повсюду расклеен указ следующего содержания: предписывается, не медля ни минуты, объявить в городе всем наипристрайше, чтобы, кроме треугольных шляп, никто никаких других не носил. Кто нарушит — того в полицию.

Прошло полгода. С.-Петербургский военный губернатор граф Буксгевден миролюбиво напомнил гражданам о «неношении круглых шляп». Этот указ датировался 9 августа 1797 года «в подтверждение предписания от 13 января текущего года».

Полиция конфисковывала круглые шляпы. Шляпы увозили в фанерных фургонах за город и сжигали в совершенно секретной местности. Круглые шляпы пропали.

Прошло еще полгода.

Все прекрасно носили треугольные шляпы. Если посмотреть с третьего этажа дворца — редкостное по красоте зрелище, процессии треуголок. Но если войти на Невскую перспективу и встретиться лицом к лицу...

И вот 20 и 21 января 1798 года один за другим появляются два указа.

Пункты.

1. Воспрещается ношение фраков, а позволяет иметь немецкое платье, но с одинаковым стоячим воротничком, шириной не больше чем в три четверти вершка. Обшлага иметь такого же цвета, как и воротнички.

2. Воспрещается носить какие бы то ни было жилеты. Вместо них носить немецкие камзолы.

3. Не носить башмаки с лентами, а носить с пряжками.

4. Не обертывать шею безмерно платками, галстуками или косынками, а повязывать шеи поприличней, «без излишней толстоты».

Резюме.

Домоуправителям, приказчикам и хозяевам заведений строжайше наблюдать за исполнением «ношения формы одежды» и сообщать в полицию о нарушениях. «С нарушителями будет поступлено по всей строгости законов».

Частным приставам в лабазах, табачных, конфетных и милютинских лавках, в парикмахерских и курятном ряду — следить: если кто торгует фраками, жилетами, короткими шнурками, башмаками с лентами — чтобы они прекратили сейчас же торговлю. «Под опасением жесточайшего наказания».

Все стали носить то, что положено. Только в домашней тишине перешептывалась новорожденная поговорка: «Под стоячий воротничок слеза не потечет».

И все-таки нашлись хитрецы-смельчаки. Эти не то чтобы нарушали реформы, но действовали, так сказать, «на грани закона».

Фрондеры и франты, они нацепили на шляпы какие-то возмутительные бантики и значки, самой солнечной и лунной раскраски. У них появилась гнусная страсть хоть чем-то отличаться от окружающего их перевоспитания.

Павел поступил просто.

4 апреля 1798 года Павел приказал оповестить жителей и взять с каждого подписку: чтобы ни при каких обстоятельствах никто не посмел носить на шляпах перья, банты и плюмажи; никто — никакого цвета. Все подписки представить в полицию.

Ни для кого теперь не было секретом, что означало нарушение подписки: Шлиссельбургские казематы.

Как мы видим, борьба за правильную форму одежды в Российской империи приобретала все более острый и опасный характер. Никому не улыбалось участвовать в этой славной баталии.

Четыре месяца было спокойно в стране. Царило перевоспитание. Как Павел хотел, так все и ходили.

Но произошло непоправимое. Разразилось чрезвычайное происшествие. Оно выходило за рамки всякого человеческого понимания: один-единственный из многомиллионного населения державы, городничий Пирх...

Этот указ написан уже не от имени императора, как предыдущий, а — самим императором, собственноручно.

«Именной указ, данный 28 июля 1796 года генерал-прокурору князю Куракину:

Господин действительный тайный советник и генерал-прокурор князь Куракин.

Из доклада, поднесенного нам по делу полковника Жукова, усмотрели мы развратные поступки городничего Пирха.

Забыв все обязанности службы, пренебрегая нововведениями нашими, он... — ходил в круглой шапке и во фраке.

Сею неблагопристойною одеждою ясно изображал он развратное свое поведение.

Выкинув из службы одного городничего Пирха, велели мы ему на коленях просить прощенья у полковника Жукова.

Сие наше повеление вы имеете сделать гласным со всеми обстоятельствами развратности городничего

Пирха, дабы и все прочие такого буйства, наглости и пренебрежения должности своей позволять себе не дерзали.

Павел».

Правительствующий Сенат приказал:

«О сем высочайшем повелении его императорского величества издать *специальные печатные указы* и разослать всем губернским правлениям и прочим присутственным местам. Оповестить немедленно Синод и департаменты Московского Сената».

СЫН И СМЕРТЬ

Подвиги Суворова общеизвестны.

Военный гений полководца общепризнан.

У Александра Васильевича Суворова был сын
Аркадий Александрович Суворов.

1

Александр Васильевич Суворов был записан мушкетером в лейб-гвардии Семеновский полк двенадцати лет. Пять лет мальчик самостоятельно изучал артиллерию и фортификацию — домашние занятия. Действительную службу Суворов начал в семнадцать лет. В двадцать четыре года он был произведен в поручики, в двадцать шесть лет стал капитаном, в двадцать восемь подполковником, в тридцать два полковником, в сорок — генералом.

2

Аркадий Александрович Суворов стал генералом в девятнадцать лет.

В 1799 году Суворов-отец был назначен главнокомандующим русских и австрийских войск в Италья-

янском походе против французов. Он победил французских генералов при Лекко, Треццо, Вердерио. Император Павел торжествовал. Камер-юнкеру Суворову-сыну было тотчас же присвоено звание генерал-адъютанта, правительство Павла отправило сына к отцу, в Италию. Сын сопровождал отца до окончания Итальянского похода. Никаких сколько-нибудь заметных подвигов сын не совершил, иначе об этом написали бы мемуары и романы.

3

Шла Русско-Турецкая война 1787–1791 годов.

Русско-австрийский отряд под предводительством Александра Васильевича Суворова разбил турецкую армию. Это было 11 сентября 1789 года в Молдавии. На реке Рымник. У Суворова было 25 000 солдат, у турок — 100 000. За победу на Рымнике Суворов был возведен в графское достоинство и получил титул Рымникский. Позднее он был возведен в князья и получил титул Итальянский.

4

Князь Итальянский граф Аркадий Александрович Суворов-Рымникский в 1811 году был в Молдавской армии. 13 апреля он ехал в почтовой карете из Бухареста и подъехал к реке Рымник.

Вот выписка из протокола от 17 апреля 1811 года. Уведомление написал капитан города Рымника Паррапаш Чауш. Текст:

«Сегодня с утра сильно прибывала вода в Рымнике, и я поставил сандула. Он должен был наблюдать, если кто прибудет, то дать знать, что вода большая и пусть никто не входит в воду, чтобы не случилось

какого несчастья. Случилось, что приехала одна маркитанская повозка, и, как скоро вошла в воду повозка эта, тотчас вода унесла ее и опрокинула. Подъехала почтовая будка, увидели бывшие в будке, что претерпела повозка, и все-таки вошли в воду. Сандул истошно кричал: «Что вы делаете? Разве не видите, что претерпели маркитанты?» Кучера взмолились: «Что же нам, несчастным, делать, если нас бьют смертным боем?»

Суворов-сын сидел на козлах и плетью наотмашь бил кучеров, чтобы вошли в воду. Вошли — опрокинулись — унесло быстринной. Сбежались молдаване. Кое-как добрались до будки. Кое-кого спасли. Где-то на перекате поймали еще одного, с плащом на шее. Он опомнился, и его спросили, кто он. «Генерал-майор Удом». Удом в свою очередь спросил: а где Суворов?

Суворов утонул. Он был пьян, и отыскиали его труп. Так и нашли его с плетью в руке, так и не выпускал плеть.

5

Маркиз Генри Коста участвовал в Итальянской кампании. Он был при дворе сардинского короля Карла Эммануила IV и встречался с Александром Васильевичем Суворовым. Он так описывает полководца:

«Русский главнокомандующий немного выше среднего роста и ходит слегка наклонившись на бок, как будто собирается танцевать. У него вздернутый нос с бородавкой на одной стороне, черные живые глаза, большой рот, огромные ноги и икры невероятной толщины. Он принимал мальтийских рыцарей.

Рубашка его была грязная и измятая, а на голове сафьяновая каска с плюмажем из петушиных перьев. При въезде в Турин он сидел верхом на маленькой татарской лошадке, с плохой уздечкой и казацким седлом, которые стоили не дороже шести франков».

Генри Коста отмечает дисциплинированность и аскетизм главнокомандующего.

«Шевалье де Ревель, которого все считают умнейшим человеком, в восторге от беседы с Суворовым и не мог прийти в себя от удивления, что татарин при такой оригинальной и шутовской наружности может иметь такие обширные и разносторонние сведения и так хорошо выражается на французском языке».

Суворов реорганизовал армию и писал уставы в стихах.

6

Граф П. Х. Граббе воевал вместе с Аркадием Александровичем Суворовым в 1809 году. Суворов-сын был начальником дивизии в корпусе русских войск, действовавших против Австрии в помощь Франции. Граббе так описывает Суворова-сына:

«Князь Суворов был высокого роста, белокурый, примечательной силы и один из прекраснейших мужчин своего времени. С приятнейшим голосом. Он ничему не учился и ничего не читал. Страсть к игре (карты) и охота занимали почти всю его жизнь и в конце расстроили его состояние. Авангард дивизии Суворова занял Краков. Иосиф Понятовский во главе польских войск тоже вошел в Краков. Суворов подружился с Понятовским. Началась бешеная игра, веселости, волокитства, дуэли. Я сказал, как невыгодно и даже вредно для нас в глазах поляков поведение

наших генералов, дни и ночи проводящих в карточной игре, пирах и разгулье. Я взглянул на князя и заметил легкую краску на его прекрасном лице. На этом дело и закончилось».

19 апреля 1811 года главнокомандующий Молдавской армии Михаил Илларионович Кутузов послал из Бухареста повеление описать имущество утонувшего Суворова-сына. Была составлена «Опись, что осталось после покойного господина генерал-лейтенанта, кавалера-князя А. А. Суворова из вещей и прочего». Чтобы перечислить «все вещи и прочее», нужно написать книгу.

Вот основное:

ордена, ленты к орденам, кивера, шляпы, султаны, мундиры, эполеты, сюртуки, венгерки, шаровары, рейтузы, панталоны, жилеты, шапки, шкатулки со всякой всячиной, шпаги, сабли французские и турецкие, ножи, портупей, шпоры, пистолеты — арнаутские и венецианские, чубуки, кисеты, белье, серебро столовое, кухонная посуда, фарфор — и все это в несметном количестве. Лошади — верховые, разгонные, упряжные, брыки, упряжи с принадлежностями, верховые уборы. Несколько книг, из них самые примечательные «Илиада» Гомера и «Ученья и манеры конные».

К описи был приложен «именной список крепостным людям Суворова, находящимся в Яссах»: камердинер, 4 официанта, берейтор, кучер, фалейтор, повар, кузнец, 4 охотника и какой-то Макар. Кроме того: 21 борзая собака, 14 гончих собак.

Итак: грозный гардероб, 35 лошадей, 35 собак, 15 слуг.

Администратор Уваров писал поэту Жуковскому 5 мая 1811 года. Он очень любил предлагать поэтам тематику для произведений. Он писал:

«Разве смерть князя Суворова не действует вдохновенно над музой вашей? Вот прекрасный случай употребить в нашей поэзии несколько поэтических мыслей...»

Уваров, как и все современные ему администраторы, называл Суворова-сына «молодым героем».

Река Рымник.

СУВОРОВ И СЛАВА.

Сын и смерть.

7

...Прекрасный случай употребить в нашей поэзии несколько мыслей...

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ

Их было пятеро, братьев Бестужевых.

14 декабря 1825 года Петру Александровичу Бестужеву было 19 лет.

В 14 лет он закончил Морской кадетский корпус и стал мичманом в Балтийском флоте. Мичман Бестужев «исполнял должность адъютанта при главном командире Кронштадтского порта, вице-адмирале Моллере».

Бестужев был скромн, застенчив, не увлекался ни адъютантством, ни девушками, ни шампанским, ни вистом. Он — читал: изучал историю и философию.

Бестужев ничего не знал о заговоре. Братья ему не сказали. Предусмотрительность: юноша — карьера.

Но он узнал сам и пришел на Сенатскую площадь. Не действовать, а присутствовать, как брат, как член рода.

О том, что Бестужев не знал даже цели восстания, говорит такой эпизод. Декабрист Вильгельм Кюхельбекер прицелился из пистолета в великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая, но Петр Бестужев молниеносным движением

выбил пистолет у Кюхельбекера, члена Северного общества, в котором состояли все Бестужевы.

Был суд.

Братья раскаялись, и их сослали. Он не раскаялся, но и его сослали.

Его сослали на Кавказ в действующую армию. Он служил солдатом, участвовал в Турецкой и Персидской компаниях, был в трех сражениях, был ранен в правую руку пулей навывлет.

Потом он получил отставку по болезни и был послан в деревню Новоладожского уезда. Там жили его мать и сестры. Его боялись, он жил в семье под полицейским присмотром.

Мать и сестры ходили повсюду за ним, как на охоте, — след в след. Он не ссорился, только читал. Доносить, к сожалению родственников, было не о чем. Никакой предосудительной деятельностью в деревне этот декабрист не занимался.

И не только предосудительной — никакой. Он наотрез отказался заниматься какими бы то ни было хозяйственными проблемами. Это уже было слишком. Нахлебник — пользы от него семье ни малейшей. И притом — единственный законный наследник, потому что остальные братья — в Сибири.

И мать обратилась к правительству. Пространное письмо, мать сообщала обо всем. Что ее сын, Петр Александрович Бестужев, существо абсолютно оторванное и не заинтересованное в дальнейшем прогрессивном развитии государства. С одной стороны. И с другой стороны: сын — слабоумен, потому что ничего на свете не делает и не собирается жениться, и вот-вот (не исключено!) подаст иск на отнятие у семьи имения. Семья в таком случае обнищает. С другой еще стороны: если бы он читал днем, как

все человечество, так нет же, он читает по ночам и — что? — философию, дребедень. Когда же весь божий мир отдыхает и спит, он один в деревне не спит, а читает, и таким образом еженощно сжигает дотла дефицитные свечи. А ведь свеча погорит, погорит, возьмет и упадет на бумаги, и произойдет неминуемый пожар. В таком случае и поместье, и сад, и конюшни, и домашнее имущество, и домашние животные, и слуги, и сестры — все сгорит. Всю семью уже много месяцев назад охватил ужас пожара. В заключение мать просит, ради спасения семьи и государства, поместить сына в больницу Всех Скорбящих. То есть в сумасшедший дом.

Правительство живо откликнулось на эту материнскую мольбу. С.-Петербургский гражданский губернатор потребовал освидетельствования Бестужева.

15 июля в С.-Петербургском физикате состоялось освидетельствование. На основании ст. 224 X т. Свода Законов.

Был составлен протокол.

Физикат задавал Бестужеву вопросы, Бестужев отвечал.

Сначала были вопросы информационного свойства: кто вы? есть ли у вас родственники? где вы живете? где вы служили или служите? чем занимаетесь? где воспитывались? в каком полку вы служили и кто был полковым командиром?

Бестужев на все вопросы отвечал педантично и без запинки. Ни разу он не перепутал ни одной даты, ни одной фамилии. На вопросы о взаимоотношениях с семьей он отвечал благородно и с достоинством, без жалоб.

Тогда стали задавать вопросы психологические.

Вот вопросы комиссии и ответы Бестужева, до-
словно выписанные из отношения С.-Петербургского
физиката, полученного петербургским губернским
правлением 22 июля 1840 года на № 1223.

— Вы не женаты и не влюблены?

— Не женат и не влюблен, потому что не нашел
достойного предмета.

— Одобряете ли вы любовь?

— О, это благороднейшая страсть.

— Зачем вы приехали в Петербург?

— Чтобы лечиться. Мама сказала, что в полиции
превосходные доктора.

— Не чувствуете ли вы тоски?

— Чувствую сердечные припадки, а прежде я не
бывал болен. Все меня оставили.

— Почему вы так о себе думаете?

— Потому, что меня преследуют.

— Не можете ли вы показать тех лиц, которые
вас преследуют?

— Они — повсюду, у них особенная физиономия.

— Где вы теперь находитесь?

— В губернском правлении.

— Зачем?

— Чтобы отвечать.

— Куда вы отсюда направитесь?

— Мне хотелось нанять квартиру.

— А если от правительства дадут вам помеще-
ние?

— Я очень благодарен и буду рад, лишь бы только
устранены были те ужасные лица.

— Где вы желаете, чтобы вас поместили: в городе
или вне оного?

— В городе безопаснее для общества.

— От кого?

— Лично от меня. Меня преследуют.

— Кто при вас теперь есть?

— Есть у меня люди, но мне все хуже и хуже, такое ощущение, как будто я в чужой стране, а люди меня оставили, уехали.

— Кто же вас преследует?

— Может быть, целый народ, или поколение. Все требуют формы, как в лечении, так и в гражданской жизни.

Дальше в протоколе записано:

«Черты лица его и томный взгляд изображали задумчивость и мрачность души его. Он, не кланяясь, пристально смотрел на окружающих. Из наружного вида и вышеизложенных ответов отставного унтер-офицера из дворян Петра Бестужева присутствующие заметили, что он имеет помешательство в умственных способностях, а потому полагают поместить его в больницу Всех Скорбящих».

Достаточно веские доказательства сумасшествия. Особенно отличны два аргумента: задумчивость и то, что больной не кланяется.

3 августа 1840 года Бестужев был отправлен в сумасшедший дом.

22 августа контора больницы донесла губернатору, что «Петр Бестужев умер от *изнурительной лихорадки*».

22 – 3 = 19. Загадочное убийство.

ТАЙНОЕ ЧИСТОСЕРДЕЧИЕ

Александр Иванович Храповицкий был инспектором репертуарной части русского театра в Петербурге с 1829 по 1839 год.

Десять лет инспектор руководил репертуаром столицы: объяснял актерам их роли, поправлял драматургов, рекламировал общественные спектакли. От него зависело разрешение и запрещение пьес.

После смерти Храповицкого нашли его дневник.

Это — своеобразная театральная хроника с авторским комментарием, с собственным эпиграфом.

Эпиграф:

«СИЯ КНИГА ЕСТЬ МОЕ ТАЙНОЕ ЧИСТОСЕРДЕЧИЕ».

И автор не обманывает читателя. Действительно, с редкостным чистосердечием автор повествует о спектаклях, об актерах своего времени.

О спектаклях, об актерах.

«11 июня 1829 года.

“Разбойники”. Трагедия в 5 действиях. Сочинение господина Шиллера.

Во время тушения пожара пожарный солдат почел оный серьезным и кинулся на сцену тушить перед зрителями, что произвело смех в публике».

Оценка художественных достоинств трагедии Шиллера — хороша, безыскусственна, объективна.

«11 апреля 1833 года.

“Тридцать лет, или жизнь игрока”. Роль Жоржа-де-Жермени будет играть в первый раз императорских театров актер Мочалов. Что сказать про Мочалова? Гадок, мерзок, никуда не годится».

С такой нежностью и непосредственностью Храповицкий пишет об одном из величайших русских актеров.

О любимце публики, знаменитом актере Максимове Храповицкий пишет с пафосом:

«12 апреля 1834 года. “Влюбленный Шекспир”. Комедия в 1 действии. Некто дал сию роль (роль Шекспира) мальчику Максиму, который, не являя никаких средств сыграть оную, осрамил себя и дирекцию».

Инспектор не дает спуска и другому знаменитому актеру — Самойлову.

«5 октября 1834 года. Для первого дебюта Самойлова “Иосиф Прекрасный”. Большая опера в трех действиях.

Дебютант имеет весьма слабую грудь, ничтожный голос, о декламации и говорить нечего, но, к сожалению, он не чувствует сих недостатков».

Так с отчаянием восклицает инспектор. И было от чего прийти в отчаяние: ни Самойлов, ни публика, ни театральная критика — не чувствовали вопиющих недостатков Самойлова, один Храповицкий — чувствовал и написал об этом в своем тайном чистосердечном дневнике, для потомства.

В комедии «Горе от ума» Храповицкий поначалу не разобрался. Не составил о ней никакого собственного критического мнения. В первый раз комедия Грибоедова была поставлена 26 января 1831 года. И инспектор с радостью констатировал:

«Пиеса была принята сухо».

23 июня 1831 года комедия опять была сыграна. Храповицкий все еще никак не может сформулировать свое отношение к «этой пиесе». Он ограничивается таким комментарием:

«Было мало публики, потому что вчерашнего числа был на Сенной бунт, разбили холерную больницу».

Но вот 20 апреля 1833 года Храповицкий наконец-то нащупал непреходящее значение «Горя от ума». Он ясно понял, что значит эта комедия для русского искусства. Он пишет:

«Роль Чацкого будет играть Мочалов. Мочалов представлял какого-то трактирного лакея, и когда он сказал последние слова своей роли: «Карету мне, карету!» — то раздался сильный аплодисмент, по которому публика как бы желала скорого его отъезда».

Одному из немногих, инспектору посчастливилось присутствовать на первом представлении «Ревизора» Н. Гоголя. Но и этим счастьем он не был ошарашен. Храповицкий, со свойственной ему объективностью, написал о положительных свойствах пьесы такие слова: «Пиеса весьма забавна». Но и прибавил от себя об отрицательных свойствах пьесы: «только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество». Инспектор написал бы о «Ревизоре» побольше чего-нибудь, но у него вызвало искреннее недоумение следующее обстоятель-

ство: «Государь император внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души».

Не нужно думать, что Храповицкий ограничил свои признания рамками драматургии. Нет. Он прекрасно писал и о музыке. Он знал истинную цену настоящей опере. И если 27 ноября 1836 года инспектор не мог присутствовать на премьере оперы Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») потому, что, как он пишет, он «в сей день был дежурным в Александринском театре, а премьера происходила в Большом театре», то о втором представлении оперы Храповицкий выражается с чувством и недвусмысленно:

«29 ноября 1836 года. Во второй раз “Жизнь за царя”».

Скажу про оперу правду-матку, как я понимаю: вздор и галиматья! Глинка от русского отстал, а к иностранному не пристал, и вышла чепуха».

Собственно говоря, на этом и заканчиваются сакраментальные характеристики Храповицкого по поводу русского театра и русских актеров.

Но было бы глубочайшим заблуждением думать, что в позднейших редакциях своего дневника Храповицкий не разбрасывал там и сям мужественные и мудрые комментарии.

Так, 16 декабря 1836 года он пишет о «Ревизоре» такие сильные сентенции:

«“Ревизор”. Оригинальная комедия в пяти действиях. Сочинение Н. Гоголя. В сей день жена моя Варвара Васильевна выиграла в польскую лотерею 900 000 золотых».

И совсем не нужно думать, что Храповицкий был ненавистником отечественного театра и ничего

не смыслил в театре иностранном. Он и с Шекспиром сводил свои счёты. Он пишет:

«29 апреля 1836 года. “Виндзорские кумушки”. Комедия в пяти действиях. Сочинение Шекспира.

Комедия ни к черту не годится».

Дальше инспектор сетует:

«Что с русским театром далее будет — не ведаю, а полагаю, что будет еще хуже. Дай бог здоровья кормильцам нашим: Каратыгину Второму за водевиль “Ложа первого яруса”, Полевому за драму “Честь и смерть” и за исторические были “Дедушка русского флота” и “Иголкин, купец Новгородский”».

Весь этот реквием русскому театральному искусству написал не сумасшедший соглядатай театра, не мрачный мракобес третьего отделения, нет — реквием написал инспектор репертуарной части русского театра в Петербурге с 1829 по 1839 год.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Уже много писали о непопулярности Пушкина.

«Самая активная» непопулярность эта продолжалась пятьдесят лет: с 1837 по 1887 год.

Маститые и менее маститые критики пытались объяснить это явление в свою пользу: в оправдание своих теорий литературы — то есть в пользу пустословия.

Но, как писал сам Пушкин, критиков можно слушать, но им нельзя верить.

Причина непопулярности Пушкина единственная.

Она предельно проста.

Существовало так называемое «право литературной собственности» на произведения Пушкина.

Многие рукописи поэта (лучшие!) не были опубликованы при жизни по цензурным соображениям, рукописи были разбросаны по всей России, по всей Европе, подарены и передарены, затеряны и вновь найдены, а многие не найдены и до сих пор.

Многочисленные претенденты на «право литературной собственности» пытались издать рукописи: с одной стороны, чтобы Пушкина читали читатели, с другой стороны, чтобы приобрести капитал за не свои труды.

Издателям было невыгодно: по истечению «права» издатель становился полновластным владельцем издания и получал все доходы — сам. Издатели — ждали.

Только и только потому за пятьдесят лет книги Пушкина стали библиографической редкостью и над полузабытым именем его могли безответственно и беспрерывно издеваться посредственные мистики демократии и юмористы монархии.

29 января 1887 года истек срок «права».

Посмотрим, что получилось.

Составим небольшую табличку о количестве выпущенных в продажу разных сочинений Пушкина, пропуская все пятьдесят лет библиографической непопулярности поэта. Начнем с января 1887 года.

В январе было издано 19 наименований общим тиражом 122 500 экз.

В феврале — 27 наименований тиражом 168 600.

В марте — 25 наименований тиражом 225 000 экз.

В продолжение только одного 1887 года с января по декабрь было выпущено 163 разных сочинений Пушкина тиражом — 1 481 375 экземпляров!

Дальше.

В том же 1887 году вышли в свет книги Л. Толстого, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Крылова, Грибоедова, Григоровича и других известных и менее известных писателей.

Всего в 1887 году вышло в свет 782 наименования художественной литературы тиражом 3 242 615 экземпляров.

Получается, что произведения Пушкина составляли чуть ли не половину всего книжного рынка в России в 1887 году, в году истечения «прав литературной собственности» на его рукописи.

О Пушкине моментально появились исторические исследования, монографии и полемические статьи.

Через год о Пушкине появились воспоминания под названием «Семейная хроника». Автор — Павлицев, сын Ольги Сергеевны Пушкиной, племянник великого поэта. Потом появились воспоминания остальных родственников и знакомых, полуродственников и полузнакомых, литераторов и любовниц.

Пушкин стал популярен.

ПИСАТЕЛИ И... НЕМНОЖКО ПАРТИИ

В 1840–1841 гг. Адам Мицкевич читал курс лекций на кафедре славянских наречий и литератур в Париже. Он сказал студентам:

«Трудно представить себе, какое первостепенное значение русские критики придают чину. Авторы историй литературы старательно перечисляют все чины и ордена писателей. По отношению к Ломоносову это еще допустимо, но историки поступают точно так же относительно совсем безвестных писателей, если только они состояли в чинах или же были награждены несколькими орденами. Целые страницы наполнены перечислением их титулов, и только в конце немногие строчки посвящаются их трудам. В России живет и до сих пор писатель, лишенный солидного образования и таланта, скажу прямо — совершенно невозможный литератор. Но... он — сенатор, Академия наук включила его в число своих членов, он в связях с самыми влиятельными русскими семействами и партиями. Он имеет несчастную манию чуть ли не ежедневно публиковать свои поэтические и прозаические произведения. Он — требует, чтобы произведения печатали и читали,

и их охотно печатают и с восхищением читают, — так как он имеет чин *тайного* советника».

Мицкевич пишет о графе Хвостове. Хвостов — фигура анекдотическая в русской литературе того времени. И, хотя характеристика поэтических достоинств Хвостова относительна, польский поэт приводит первый попавшийся пример, а мог бы привести десяток других.

Через сорок пять лет, в 1885 г., редактор берлинской популярной политической газеты «Националь Цайтунг» Фридрих Дернбург издал описание своего путешествия по России. Книга называлась «Русские люди».

Дернбург описывает различные типы русских людей: чиновников, профессоров, священников, адвокатов, студентов, нигилистов, купцов, генерал-губернаторов и в единственном числе — писателя. Этот тип русского человека больше остальных заинтересовал немецкого редактора.

Был день официального приема в Московском воспитательном доме.

Дернбурга попросили обратить внимание на человека. Дернбург посмотрел: у дорической колонны, не прислоняясь к ней, стоял человек. Он «имел строгие энергические черты лица». Он «имел короткую седую бородку, подстриженную коротко — а ля Генрих IV». Он был: в мундире, расшитом золотом, с новенькой аннинской лентой на груди.

— За кого бы его приняли в Париже? — спросили Дернбурга, и тот, не задумываясь, ответил:

— За генерала.

Ему объяснили:

— Ну нет, это влиятельный русский писатель, это — Катков, редактор «Московских Ведомостей».

Дернбурга познакомили с Катковым. Интервью было непродолжительное, но определенное. Немецкий редактор узнал у русского редактора следующее: что Катков «беспощадный противник своих врагов и он их ненавидит так же, как и они ненавидят его».

Все у него есть, — пишет Дернбург далее, — независимость, твердость убеждений (явления в России — сверхъестественные), пронизательность, совесть... только «легко говорить тому, кому никто публично не может отвечать («Московские ведомости» — официальный правительственный орган). Русские политики всех партий ищут в газете Каткова объяснений того, что происходит, и программу того, что должно произойти». Но никаких объяснений — нет, а программа правительства — неизвестна.

Катков — мракобес. Тоже фигура — анекдотическая. Но ирония Дернбурга о партиях не случайна.

В свое время в библиотеке маркиза Шатожирона была найдена записка Сабатье. Де Кабр был французским послом при русском дворе с 1769 по 1773 гг. Он писал:

«В Европе обыкновенно думают, что в России есть партии, которые борются между собой, и ходом этой борьбы европейцы объясняют себе русские события. Ничуть не бывало: никаких партий, никакой борьбы. Поезжайте в Москву — вы подумаете, что вы очутились посреди республиканцев, готовых произвести переворот. Но стоит приехать правительству, и те же люди обращаются в холуев».

ДОЛГИ И ЖИДЫ

В конце XIX века все ведущие державы Европы не имели никакой возможности развиваться, не занимая денег в долг.

На первом месте «по отношению к задолженности» стояла Франция — 31 000 000 000 франков, на втором Россия — 18 000 000 000, на третьем Англия — 17 829 000 000, на четвертом Италия — 11 121 000 000, на пятом Германия — 8 954 000 000.

Это было в 1888 году.

Учитывая, что долги Франции преувеличены (комментаторы пишут «доходят до 31 млрд.»), а долги России преуменьшены («с лишком в 18 млрд.»), Европа была должна приблизительно 117 500 000 000 франков.

Европа была должна в основном частным банкирским домам, а в частности — еврейским.

Россия потратила 988 000 000 франков на вооружение.

Комментаторы не сообщают, какое количество золота было потрачено на просвещение, медицинское обслуживание и продовольствие и сколько денег было растрчено.

Комментаторы сообщают о достижениях России:

1. Россия построила железную дорогу в Самарканд.

2. Построила восьмиверстный мост через Аму-Дарью.

3. Разводит в Бухаре хлопок и шелк.

4. С успехом проводятся ирригационные работы в Мервском оазисе.

5. Племена туркмен «превращаются из разбойников в усердных работников».

6. Колонизируется Амур.

7. Фабричная промышленность России быстро развивается.

8. Добывание металлов, соли, угля, сахара, нефти достигает значительных размеров.

9. Строится железная дорога, сибирская, «которая, конечно, в отдаленном будущем — соединит Петербург с Пекином».

В общем, положение России с ее 108 000 000 населением «не внушает опасений».

Опасения (у комментаторов) вызывает лишь следующее обстоятельство: «много хлопот принесло России устройство 3 000 000-го паразитного племени евреев. После долголетних опытов убедились в том, что евреи враждебны государственному порядку, и пришлось положить преграды их стремлению к образованию, потому что они и в либеральных профессиях эксплуатировали русских людей, вытесняя их из всех званий и должностей. Россия и без того богата интеллигентным пролетариатом, чтобы допускать конкуренцию юрких жидов!»

СОДЕРЖАНИЕ

Полководец и летописцы.....	5
Царь-голод.....	12
Скоморохи.....	17
Первая русская газета.....	24
Внешний вид Пугачева.....	27
Поэтическое любопытство.....	31
Истребитель Пугачева.....	37
Горелки.....	40
Круглые шляпы.....	46
Сын и смерть.....	51
Загадочная смерть.....	57
Тайное чистосердечие.....	62
Пятьдесят лет спустя.....	67
Писатели и... немножко партии.....	70
Долги и жиды.....	73

С 66

Соснора В. 15. — СПб.: «Пушкинский фонд»,
2004. — 80 с.

ISBN 5-89803-123-5

ББК 84. Р7

Соснора Виктор Александрович

15

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2004

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД